

«Значимые другие» в историях жизни выпускников интернатных сиротских учреждений

Н. К. РАДИНА

*доктор политических наук, кандидат психологических наук, доцент,
профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского
государственного педагогического университета; профессор кафедры
психологии Нижегородского института менеджмента и бизнеса*

Т. Н. ПАВЛЫЧЕВА

*старший преподаватель кафедры психологии Нижегородского института
менеджмента и бизнеса*

Представляемое исследование опирается на одно из важнейших понятий культурно-исторической концепции Л. С. Выготского «значимый взрослый» (персонифицированный медиатор психического развития ребенка), использованное для анализа отношений значимости у выпускников интернатных сиротских учреждений в среднем и пожилом возрасте. Результаты проведенного исследования доказывают, что спонтанная компенсация эмоциональных проблем детско-родительских отношений у социальных сирот, как правило, недостижима.

Ключевые слова: социальная депривация, ресоциализация, закрытое учреждение, значимый другой, значимый взрослый.

Вторая половина прошлого века для психологических исследований, направленных на изучение детей и подростков из интернатных сиротских учреждений СССР, была чрезвычайно продуктивна: значительное число содержательных научных работ отражало различные аспекты проблемы социального сиротства (Н. К. Авдеева, Н. Н. Аксарин, Н. Х. Александрова, Л. И. Божович, Л. Н. Галигузова, И. В. Дубровина, И. А. Залысина, Т. М. Землянухина, М. Ю. Кондратьев, А. Е. Лагутина, М. И. Лисина, С. Ю. Мещерякова, В. С. Мухина, А. Г. Рузская, А. М. Прихожан, Н. В. Репина, Л. И. Рюмина, В. И. Слуцкий, В. М. Слуцкий, Е. О. Смирнова, Н. Н. Толстых, Л. М. Царегородцева и др.).

Идея психической депривации была творчески переосмыслена советскими психологами, что позволило анализировать условия «закрытых» или «полузакрытых» детских образовательных учреждений в русле деятельностного или культурно-исторического подходов [7].

Одной из центральных категорий в изучении социального сиротства в отечественной психологии становится конструкт «посредничество», отражающий все проблемы психического развития ребенка, помещенного в депривационную среду сиротского учреждения. Культура, по меткому замечанию Б. Д. Эльконина и В. П. Зинченко, — лишь «приглашающая сила», и, если культурный посредник —

«значимый взрослый» — персонифицированный медиатор, сопровождающий развитие ребенка, по каким-либо причинам пренебрегает качеством посредничества, «идеальная культурная форма» может оказаться недоступной [8].

Практически все исследования проблем психического развития воспитанников интернатных сиротских учреждений посвящены детям от рождения и до подросткового возраста. Однако воспитанники детских домов и интернатов неизбежно взрослеют и покидают сиротские учреждения, оставляя депривационную социальную среду, оказываются в условиях системы открытых групп (открытый социум).

Социологи, анализирующие положение выпускников сиротских учреждений, считают, что в самостоятельной жизни бывшие сироты испытывают значительные трудности, связанные с социальной адаптацией, с социальной дискриминацией, бедностью и маргинальной позицией.

В данной статье мы представляем результаты исследования, направленного на изучение показателей социально-психологической адаптированности выпускников интернатных сиротских учреждений. Проведен анализ отношений со «значимыми другими»¹ у взрослых выпускников интернатных сиротских учреждений и их ровесников, выросших в семье. Основная гипотеза данного исследования заключается в том, что нарушенные отношения посредничества у воспитанников сиротских учреждений, выросших в условиях социальной и эмо-

циональной депривации, препятствуют культурно-нормативному течению их социализации. Следовательно, отношения межличностной значимости у взрослых социальных сирот будут существенно отличаться от их ровесников, выросших в семье.

Для проверки справедливости этого предположения было проведено исследование, в качестве основного психодиагностического инструмента которого выступило слабоструктурированное биографическое интервью «Линия жизни» А. Кроника, благодаря которому стало возможным рассматривать жизни интервьюируемых поэтапно, идентифицируя на каждом жизненном этапе отношения значимости [5].

В процессе интервью текст записывался, «значимые другие» фиксировались по этапам, а далее категоризовывались. В результате получилось 14 основных ролевых матриц «значимых других» (мать, отец, сиблинги и т. д.), которые и подвергались сравнительному анализу.

В исследовании приняли участие 120 человек в возрасте от 13 до 70 лет. Выборка представлена четырьмя подгруппами:

1) подростки-воспитанники детских домов и сиротских интернатов на этапе их выхода из закрытого или полузакрытого образовательного учреждения в возрасте от 14 до 16 лет — 35 человек;

2) подростки, воспитывающиеся в семьях, выпускники общеобразовательных школ в возрасте от 14 до 16 лет — 37 человек;

3) выпускники детских домов и сиротских интернатов в возрасте от 18 до

¹ «Значимый другой» — (термин, введенный Г. Салливаном) — человек, являющийся авторитетом для данного субъекта общения и деятельности, реализующий отношения значимости, которые базируются на опыте интериоризации отношений со «значимым взрослым» (по Л. С. Выготскому) [4].

68 лет — социально адаптированные (находящиеся в браке, трудоустроенные или пенсионеры — 24 человека);

4) взрослые люди, воспитывавшиеся в семьях, в возрасте от 18 до 70 лет (находящиеся в браке, трудоустроенные или пенсионеры — 24 человека).

Описание результатов исследования

Рассмотрим результаты проведенного исследования, сравнивая группы подростков, воспитывающихся в семье или сиротском учреждении, взрослых, которые в детстве воспитывались в семье или сиротском учреждении, а также «значимых других» у подростков и взрослых, воспитывавшихся или в семье, или в детском доме (сиротском интернате).

Итак, весь идентифицированный список «значимых других» распадается на две подгруппы: первая примерно одинаково представлена в историях подростков и взрослых, воспитывающихся как в семье, так и в интернатных сиротских учреждениях, вторая подгруппа принципиально по-разному отражена в историях жизни различных категорий интервьюируемых.

При анализе подростковых групп обнаруживаем, что статистически достоверные различия получены по таким «значимым», как мать, отец, учитель, друзья, любимый человек, тетя/дядя, т. е. «значимыми» являются не только родственники (родители; тетя/дядя), но и неродственное (но ближайшее) эмоционально-значимое окружение (учителя, друзья, любимый человек).

Эмоционально менее значимая для интервьюируемых подростков сфера социальных взаимосвязей («муж / жена», «дети / внуки») в силу определенных

причин (например, возрастной неактуальности) и у подростков — выпускников интернатных сиротских учреждений, и у подростков из семей не «дает» достоверно значимых различий.

Рассмотрим более подробно полученные данные.

Родители в историях подростков, воспитывающихся в семье, встречаются более чем в два раза чаще, чем в историях подростков из детских домов.

Воспитанники сиротских учреждений в подавляющем большинстве являются «социальными сиротами», их родители по разным причинам (как правило, это плохое обращение с ребенком) лишены родительских прав.

Фактическое отсутствие родителей в реальной жизни социальных сирот приводит к отсутствию в воспоминаниях подростков их родителей.

Маша, 16 лет: «До 3 лет я ничего не помню из событий, но помню, что было очень хорошо. Мне было радостно и весело. Я всегда гуляла с друзьями во дворе, мы играли в дочки-матери (я всегда была мамой), в казаки-разбойники. А в детском садике у меня была первая любовь».

Катя, 15 лет: «Что было со мной в детстве, я почти не помню. Я помню только, что пошла в школу в 8 лет, но учиться мне не очень нравилось, потому что это событие не было для меня ни радостным, ни грустным. Но там у меня появились хорошие друзья, которых раньше у меня было очень мало, была добрая учительница».

«Мать» как персонаж воспоминаний занимает около четверти от общего числа упоминаний людей в историях подростков из семьи (24,87%), в то время как в рассказах подростков-сирот это лишь десятая часть от общего числа (11,33%).

В историях подростков — воспитанников сиротских учреждений отец встречается более чем в два раза реже, по сравнению с историями подростков, воспитывающихся в семье (6,07 % и 13,70 % соответственно), часто фигура отца присутствует в воспоминании как «отсутствующая фигура».

Володя, 14 лет: «... когда мне было 4 года, из семьи ушел отец, но я был доволен, что отец ушел, потому что он бил меня и маму, обращался с нами очень грубо».

Таким образом, в реконструированных нами при интервьюировании историях жизни подростков были обнаружены «показатели», согласующиеся с данными других исследователей (например, игнорирование матери в историях жизни подростков, реально переживших «материнскую депривацию») [6].

Достоверно различно в историях двух групп подростков оказалась представлена и такая подгруппа родственников, как «тетя/дядя». У подростков-сирот она занимает 8,49 % упоминаний людей в историях, в то время как у «домашних» подростков — 1,00 %. Это можно объяснить тем, что в переломные моменты жизни, например, лишение ребенка по тем или иным причинам родительской опеки, именно взрослые родственники («тети» и «дяди») оказываются во «внеконкурентно» ближайшем окружении ребенка.

И все же значимо чаще в своих историях подростки — воспитанники сиротских учреждений упоминают учителей и друзей.

Оля, 16 лет: «Потом, когда в школу пошла, главными людьми стали воспитатели. Я стала хорошо учиться, а из плохого было то, что я ссорилась и иногда прогуливала уроки».

Олег, 15 лет: «В 7 лет пошел в школу, появилось много новых друзей. Стали разрешать гулять допоздна одному, без родителей, ходить на дискотеки. Друзья пригласили меня в секцию греко-римской борьбы, очень понравилось участвовать в соревнованиях, ездить по другим городам. Там познакомился со многими новыми людьми».

Таким образом, родительская забота в жизни подростков — воспитанников детских домов замещается установленным более близких и эмоционально-значимых отношений с учителями и друзьями-ровесниками.

Как известно, подростковый возраст — период, когда для социально становящегося человека впервые особо значимыми оказываются доверительные, романтические, интимные отношения с противоположным полом. Согласно И. С. Кону, такие отношения удовлетворяют потребность подростка в эмоциональном контакте, понимании, душевной близости [3]. В интервью подростков-сирот статистически достоверно выявлено более редкое упоминание «любимого человека». Доверительное общение, развитие эмоционально-значимых отношений, привязанностей является одной из проблемных «зон» жизни людей, воспитывающихся в условиях социальной депривации. Потребность в эмоционально близком человеке и одновременно неумение устанавливать и поддерживать подобные отношения могут служить объяснением более редкого употребления категории «любимый человек» в историях подростков-сирот.

Различий не получено по таким группам «значимых других», как «муж/жена», «дети/внуки». Для подростков эти персонажи отсутствуют в на-

стоящем и связаны с будущим. Как правило, в представлениях воспитанников сиротских учреждений в будущем с ними рядом находится их собственная благополучная семья, где есть жена/муж и дети. В этом представления подростков — воспитанников сиротских учреждений и подростков, воспитывающихся в семье, схожи.

Несущественными оказались и различия между группами подростков по числу упоминаний в историях бабушки и дедушки, соседей, коллег и одноклассников.

Итак, анализ факта присутствия и отсутствия «значимых других» в историях жизни подростков позволяет более определенно описать «картину мира» подро-

стков — выпускников интернатных сиротских учреждений в отношении ее социальной составляющей. Уже в подростковом возрасте круг значимых людей в историях жизни существенно различается у подростков двух групп, воспитывающихся в разных условиях, что задает принципиально иные границы и ориентиры в дальнейшем построении их образа мира и социальных отношений.

Для реконструкции «условной нормы» в отношении представленности социальных отношений в историях жизни проанализируем динамику упоминания «значимых других» в жизненных историях интервьюированных, воспитывающихся в семье, при их переходе от подросткового возраста к взрослости.

Таблица

Упоминание «значимых других» в историях жизни участников исследования, воспитывавшихся в семьях и в интернатных сиротских учреждениях

Сравниваемые группы	Доля упоминания значимых других (среднее значение по группе в %)				Различия между группами достоверны на уровне*			
	Группа 1: Подростки — воспитанники интернатных сиротских учреждений	Группа 2: Подростки, воспитывающиеся в семье	Группа 3: Взрослые выпускники интернатных сиротских учреждений	Группа 4: Взрослые, воспитывавшиеся в семье	Группа 1 и группа 2	Группа 2 и группа 4	Группа 1 и группа 3	Группа 3 и группа 4
Значимые другие								
Родители	17,39	38,57	11,99	21,60	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,01$	н/д	$p \leq 0,01$
Сиблинги	15,97	11,36	7,25	9,12	н/д	н/д	$p \leq 0,05$	н/д
Бабушка	6,09	6,56	3,51	3,36	н/д	$p \leq 0,05$	н/д	н/д
Дедушка	1,44	2,29	0,75	0,43	н/д	н/д	н/д	н/д
Тетья/дядя	8,49	1,00	2,18	1,08	$p \leq 0,05$	н/д	н/д	$p \leq 0,01$
Жена/муж	9,31	9,75	6,74	13,52	н/д	н/д	н/д	$p \leq 0,01$
Дети/внуки	9,75	11,94	15,57	23,72	н/д	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,01$
Родственники жены/мужа	0,00	0,00	1,52	1,66	н/д	н/д	$p \leq 0,05$	н/д
Соседи	0,00	0,13	2,00	0,88	н/д	н/д	$p \leq 0,01$	н/д
Коллеги	0,00	1,43	3,57	4,70	н/д	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,01$	н/д

Учителя	11,17	3,52	2,25	4,44	$p \leq 0,01$	н/д	$p \leq 0,01$	н/д
Воспитатели детского дома		0,00	17,77	0,00		н/д		$p \leq 0,01$
Друзья	17,81	9,02	12,26	10,92	$p \leq 0,01$	н/д	$p \leq 0,05$	н/д
Одноклассники	0,00	0,29	1,12	1,14	н/д	н/д	$p \leq 0,01$	н/д
Любимый человек	2,57	4,13	2,06	3,24	$p \leq 0,01$	н/д	н/д	н/д
Случайные знакомые	0,00	0,00	1,09	0,19	н/д	н/д	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,01$
Покровители	0,00	0,00	2,95	0,00	н/д	н/д	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,01$
Воспитанники детского дома	0,00	0,00	5,42	0,00	н/д	н/д	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,01$

* различия выявлены при помощи критерия *U* Манна-Уитни.

Согласно таблице статистически достоверные различия получены по упоминанию таких позиций, как родители (суммарно упоминания матери, отца и родителей), бабушка, дети/внуки и коллеги. Идентифицированные нами изменения в актуальности «значимых других» точно отражают решение возрастных задач со стороны интервьюируемых. В процессе взросления при воспитании в семье существенные перестройки претерпевают эмоционально-значимые родственные отношения. Следовательно, «значимые другие» в воспоминаниях взрослых, не имеющих депривационного детского опыта, служат своеобразным индикатором и достаточно четко отражают решение «возрастных задач» (по Э. Эриксону) данной категорией интервьюируемых: воспитание детей и решение профессиональных проблем.

Рассмотрим далее, как изменяется положение «значимых других» в историях жизни взрослых, воспитывавшихся ранее в сиротских учреждениях.

Сравнивая направления изменений позиций «значимых других» в жизни интервьюируемых, воспитывавшихся в семьях и в сиротских учреждениях, можно отметить некоторые сходные тенденции. Так, с возрастом увеличивается значение в историях жизни детей/внуков.

Тенденция увеличения значимости в историях родственников жены/мужа, имевшая место у интервьюируемых, воспитывавшихся в семьях, в случае выпускников сиротских учреждений приобретает статистическую достоверность (различия достоверны: $p \leq 0,01$).

Можно предположить, что родственники жены/мужа заменяют выпускникам детских домов собственных родителей, с которыми исследуемая нами группа социально адаптированных выпускников детских домов, как правило, утрачивает связь. Не имея полноценных связей с собственными родителями, повзрослевшие социальные сироты включают в новую систему своих родственных связей родственников жены/мужа. Роль собственных родителей, а также бабушки в жизни социальных сирот с возрастом заметно понижается.

Так же как и у участников исследования, воспитывавшихся в семье, с возрастом у социальных сирот возрастает роль коллег ($p \leq 0,01$).

Несмотря на то что возрастная динамика положения «значимых других» в историях жизни участников исследования, воспитывавшихся в сиротских учреждениях, имеет те же тенденции, что и у их ровесников, воспитывавшихся в семьях, в историях жизни воспитанников и

выпускников интернатных сиротских учреждений существуют определенные особенности. Так, взрослые выпускники детских домов чаще, чем подростки, упоминают соседей, учителей и сотрудников детского дома, воспитанников детского дома, одноклассников, покровителей (в том числе шефов детского дома), случайных знакомых, реже друзей и сиблингов.

Марианна Викторовна, 67 лет: «А когда мы переехали в Дубёнки, над нами шефствовала воинская часть. Я не знаю, есть ли она сейчас или нет... Хорошая воинская часть, и мы ходили там в танцевальный кружок — это уже когда постарше были — седьмой-восьмой класс».

Алексей, 28 лет: «... как раз Юля и Стас — они гораздо позже появились, у нас сначала была другая Юля. Это были другие, но они были очень образованные и очень доброжелательные. И важно, что ... это все-таки был такой хороший образовательный уровень. То есть это как раз то, что вполне работает, то, что они реально могут помочь, в смысле, с учебой. Да, например, уроки помогали учить. Например, наравне с учителями могли объяснить».

В представляемом исследовании приняли участие выпускники детских домов, которые по формальным характеристикам могут быть признаны социально адаптированными (наличие семьи, детей, работы, постоянного места жительства, социально приемлемый образ жизни). Поэтому, рассматривая «значимых других» в историях жизни социально адаптированных выпускников сиротских учреждений, мы фактически отвечаем на вопрос, кто оказывает поддержку, кто идет рядом, помогает выпускникам детских домов, в ком черпают социальные и эмоциональные ресурсы выпускники детских домов и сиротских интернатов.

Как правило, с возрастом выпускники детских домов утрачивают связи с родственниками (по сиблингам — различия статистически значимы). Из интервью выпускников мы узнаем, что, будучи взрослыми, они зачастую не знают (даже в общих чертах) о судьбе родных братьев и сестер. Объяснить это можно недостаточной работой по сохранению родственных связей между братьями и сестрами во время нахождения социальных сирот в детских домах. Кроме того, после выхода из учреждения при условии наличия биологических родителей некоторые выпускники попадают под их асоциальное влияние и перестают поддерживать связи со своими более адаптированными братьями и сестрами, которые, как правило, живут отдельно.

Уменьшается значимость в историях жизни взрослых выпускников детских домов и таких родственников, как бабушка, дедушка, тетя/дядя, хотя по сравнению с подростками эта динамика выражена не столь ярко.

Однако если с возрастом значимость близких родственников уменьшается, то значимость «неродственников» в жизни выпускников детских домов (соседи, случайные знакомые, одноклассники, учителя, воспитанники детского дома, покровители) заметно возрастает. Взрослые и пожилые выпускники детских домов как бы «добирают» недостающие социальные и эмоциональные ресурсы через опору на покровителей, случайных людей, тех, кто их «пожалел», «продвинул» или оказал помощь.

Майя Николаевна, 68 лет: «... Там Клара Матвеевна, царство ей небесное, она мне, конечно, здорово помогала. Она главный врач СЭС. И я ей: "Клара Матвеевна, там комната освободилась". А она:

“Где?”. Ну, я ей сказала адрес. И она говорит: “Ну, послезавтра тебе ключи дадут от этой комнаты”. Она сходила туда, где комнаты распределяют: мол, она сирота, детдомовская, надо ей жильё. Ну вот так мне дали».

Сотрудники детского дома (учителя и воспитатели) составляют существенную часть пространства «значимых других» в жизни адаптированных выпускников детских домов. Многие из интервьюируемых поддерживают связи с бывшими воспитателями и сотрудниками детского дома, несмотря на то, что последние уже находятся на пенсии. Судя по интервью, выпускники ценят воспитание, которое дали им педагоги детского дома, и благодарны им за то, что те *правильно* их воспитали *вместо* биологических родителей.

Андрей, 40 лет: «Эти люди, некоторые уже покойные, которые оказали влияние, они, конечно, дали очень многое. Единственное про кого хочу сказать — это воспитатели, которые в свое время дали воспитание, не образование, а именно воспитание. Те, кто дали в свое время воспитание, им бы я поставил большой памятник. Причем не только мне они дали, но и всем остальным. Иногда, когда со мной начинают некоторые разговаривать просто по-хамски, я им объясняю — высшее образование не означает высшее воспитание. Мне дали высшее воспитание в свое время».

Таким образом, если у взрослых, воспитывавшихся в семьях, в историях жизни родители отходят как бы на второй план, то в историях жизни взрослых выпускников детских домов «значимые другие», замещающие родителей, по-прежнему актуальны. Необходимо отметить, что для подростков, воспитывающихся в сиротских учреждениях, не характерно подобное отношение к воспитателям (возможно потому, что в

группе подростков, принявших участие в данном исследовании, находились *потенциально* как адаптированные, так и неадаптированные взрослые).

Итак, развитие социальных взаимосвязей у взрослых из семей как бы *циклично*: родительская семья в той или иной степени вытесняется собственной семьей.

У взрослых адаптированных выпускников интернатных сиротских учреждений в этом плане сохраняется *«линейность»*: с одной стороны, они принимают на себя новую социальную ситуацию и новые социальные роли, с другой стороны, сохраняют в памяти, мироощущении, в истории жизни «детские позиции», ориентированные на помогающих и защищающих взрослых.

Неслучайно у взрослых выпускников детских домов, в отличие от подростков-сирот, в интервью появляется такая категория «значимых других», как «воспитанники детского дома» (различия достоверны: $p \leq 0,01$). Необходимо отметить, что интервьюируемые выделяют «детдомовцев» как отдельную группу.

Андрей, 40 лет: «Это наша есть как бы когорта, я так могу сказать — когорта, которой мы все всегда собираемся в определенные дни в году, но это — наша. У нас когда другие приходят, они не понимают, они тут сами по себе, они не понимают некоторых вещей. Ну, это нельзя понять. Это надо прожить, а если вы там не были, вы не поймете».

Данный факт можно интерпретировать как идентификацию «социальной границы», которая более определенно конструируется в историях жизни взрослых выпускников детских домов при их столкновении с новыми социальными иерархиями и социальной дискриминацией со стороны «открытого социума».

Оказались зафиксированы также упоминания в интервью взрослых выпускников детских домов и таких «значимых других», как соседи, одноклассники, случайные знакомые и покровители (2,00 %; 1,12 %; 1,09 % и 2,95 % соответственно), а в интервью у подростков-социальных сирот подобных «значимых других» попросту не было.

Особо хочется отметить случайных знакомых и покровителей в историях жизни адаптированных выпускников детских домов. При этом следует иметь в виду, что порой по своему социальному функционалу случайные знакомые «слипаются» с покровителями. Покровители — это те люди в жизни выпускников детских домов, которые, как правило, появлялись в сложных жизненных ситуациях и оказывали значимую и эффективную поддержку бывшим детдомовцам (помогали устроиться на работу, оберегали и служили наставниками на работе, помогали с жильем, оказывали материальную и моральную поддержку). В их число входили шефы, которые были у детского дома и с которыми у выпускников связаны положительные воспоминания («одели» к выпускному балу в школе, подарили особо запомнившуюся игрушку и т. п.). Кроме шефов, в историях выпускников сиротских учреждений встречаются и другие благодетели, которые безвозмездно оказали помощь «сироте».

Майя Николаевна, 68 лет: «А когда я работала в психбольнице, помню, ждала, когда все уйдут вечером. И эта добрая тётенька (главный врач. — Прим. авт.) ко мне была такая добрая — то яблочко, то конфетку...».

Клавдия Алексеевна, 68 лет: «Чего я там (в больнице. — Прим. авт.) только не повидала. Женщина там одна была, в палате мы вместе лежали. Ну, так разговари-

вали. Она: “Кто ты?” Я: “Я из детдома”. — “А почему к тебе никто не ходит?” — Взяла адрес и нашей Р-ой (воспитателю. — Прим. авт.) такой нагоняй дала! Через два дня начали ходить. А кто тут в палатке лежал, как-то мне: “Клав, иди...” Захожу, никого знакомых не вижу. Какой-то незнакомый мужчина: “Вы Клава?” Я: “Да”. А это муж той, что со мной рядом лежала. Много раз приходил».

Случайные «значимые другие» в историях жизни выпускников детских домов и сиротских интернатов и их особая роль подтверждают наше предположение о «линейном» развитии отношений значимости у тех, кто перенес в детстве травму «психической депривации». Бывшие «детдомовцы» в собственной картине мира не принимают на себя роли ответственных взрослых, по ощущениям оставаясь в позиции эмоционально обездоленных и нуждающихся в поддержке детей.

Рассмотрим далее, насколько «список» «значимых других» выпускников интернатных сиротских учреждений согласуется с аналогичным списком их ровесников-взрослых, воспитанных в семьях. У выпускников детских домов более редко в историях фигурируют родители, жена/муж, дети/внуки. Как мы видим, этот круг ближайших родственников и их роль в жизни бывших сирот достоверно менее значимы. Деформированными оказываются эмоциональные и социальные связи, которые у людей, воспитывавшихся в семьях, оказываются преобладающими, наиболее ценными и значимыми, т. е. можно говорить, что даже социально адаптированным выпускникам детских домов не удается создавать и поддерживать полноценные близкие доверительные отношения с самими близкими в родственном плане «значимыми другими».

Вместе с тем в жизни выпускников детских домов существенную роль (17,77 %) играют воспитатели и сотрудники детских домов. Если соединить реальных родителей в историях жизни выпускников сиротских учреждений с данной категорией «замещающих родителей», получим примерное количественное соответствие между группами «домашних» и «детдомовских» взрослых. Однако меньшую «продуктивность» подобных отношений с «заместителями» биологических родителей обнаруживаем по факту «недобора» отношений значимости в собственной семье с детьми и партнерами по браку.

Вера в «доброе другого», представленная в историях жизни, фактически свидетельствует о неверии в собственные силы и подтверждает факт нереализованной потребности в заботе, поддержке и защите. Как мы уже указывали, взрослый выпускник сиротского учреждения принимает новые социальные роли (матери, отца, жены, мужа, коллеги), но при этом сохраняет «детдомовскую роль» нуждающегося ребенка.

Выводы

На основе проведенного сравнительного анализа представленности в истории жизни «значимых других» заключаем:

1. Уже в подростковом возрасте круг «значимых других» в историях жизни у подростков, воспитывающихся в семьях и в сиротских учреждениях, по ряду важнейших позиций существенно отличается.

- Родители (как мать, так и отец) статистически значимо реже упоминаются старшими подростками — выпускниками сиротских учреждений при реконструировании своего жизненного пути.

- Ролевое пространство иных «значимых других» у выпускников сиротских учреждений чаще занимают педагоги, друзья и взрослые родственники, замещающие родителей.

- Ролевое пространство «значимых других», актуальное для данного возраста («любимые»), у социальных сирот статистически менее наполнено по сравнению с их «домашними» ровесниками.

Таким образом, схема социальных взаимосвязей в историях жизни выпускников сиротских учреждений характеризуется, с одной стороны, выраженной депривацией детско-родительских отношений, с другой — некоторым запаздыванием в отношении решения «возрастных задач» по сравнению с «домашними» ровесниками.

2. Анализ позиций «значимых других» в историях жизни подростков и взрослых, воспитывавшихся в семьях, позволяет утверждать, что изменения в актуальности «значимых других», представленные в их воспоминаниях, отражают решение интервьюируемыми возрастных задач. В процессе взросления акцент в историях жизни у тех, кто воспитывался в семье, смещается с семьи родителей на собственную семью, а также резко возрастает для них субъективная значимость коллег.

3. В целом возрастная динамика значимости «другого» в историях жизни интервьюируемых, воспитывавшихся в сиротских учреждениях, имеет те же тенденции, что и у их ровесников, воспитывавшихся в семьях: с возрастом в историях жизни усиливается роль коллег, детей/внуков, уменьшается роль родителей, но у зрелых и пожилых выпускников интернатных сиротских учреждений наряду с изменениями отношений значимости «родительского» типа (повышение

роли детей и внуков как «значимых других») мы констатируем сохранение отношений значимости «детского» типа. При этом отношения значимости у выпускников со временем изменяются в сторону не столько поиска или усиления близких отношений, сколько поиска поддержки за пределами ближайшего семейного круга.

Важным фактом, получившим статистическое подтверждение, является выделение такой особой в отношениях межличностной значимости категории, как «воспитанники детских домов». Возможно, это связано с опытом реконструирования «социальной границы» при их столкновении с социальной дискриминацией на этапе постинтернатной адаптации.

4. Что касается сравнения взрослых, воспитывавшихся в разных условиях, то у выпускников детских домов деформированными оказываются эмоциональные связи, которые у их ровесников, воспитывавшихся в семье, являются преобладающими, наиболее ценными и значимыми (меньшее упоминание в историях взрослых сирот таких «значимых других», как родители, муж/жена, дети/внуки). Другими словами, даже социально адаптиро-

ванным выпускникам детских домов не удается в полной мере создавать и поддерживать полноценные близкие доверительные отношения с самыми близкими (родными) «значимыми другими».

Итак, эмоциональная дистанция даже в логике самых близких отношений, ожидание «чуда» со стороны и разделение мира на «своих» («детдомовцев») и «чужих» (всех «домашних», включая собственных детей) оказываются тем дискурсом отношений межличностной значимости, который наиболее точно характеризует мироощущение даже вполне социально успешного выпускника интернатного сиротского учреждения. «Спонтанная компенсация» оказывается в большинстве случаев нереализуемой фантазией, а «социальная мобильность» и внешнее социальное благополучие не гарантирует решения психологических проблем бывших социальных сирот. Эти факты, как и «неблагополучная статистика» по менее успешным выпускникам, доказывают необходимость включения обязательного психотерапевтического компонента в программы постинтернатной адаптации выпускников сиротских учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л. С.* Вопросы теории и истории психологии // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.
2. *Значимый Другой* // Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. М., 1985.
3. *Кон И. С.* Психология юношеского возраста. М., 1979.
4. *Кроник А. А.* В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я. Психология значимых отношений. М., 1989.
5. *Назарова И. Б.* Адаптация и возможные модели мобильности сирот. Сер. «Научные доклады». № 120. М., 2000.
6. *Сидоренко Е. В.* Терапия и тренинг по Альфреду Адлеру. СПб., 2000.
7. *Смирнова Е. О.* Осознание своего опыта детьми в семье и детском доме // Вопросы психологии. 1991. № 6.
8. *Эльконин Б. Д.* Психология развития (по мотивам Л. Выготского) // <http://www.psychology.ru/library/00073.shtml>.

«Significant Others» in life stories of group care alumnus

N. K. RADINA

Doctor in Political Science, Ph.D in Psychology, professor at the Developmental and educational psychology chair of the Nizhegorodsky State Pedagogical University, professor at the Psychology chair of Nizhegorodsky Institute of Management and Business

T. N. PAVLYCHEVA

senior lecturer at the Psychology chair of Nizhegorodsky Institute of Management and Business

Following the major concept of L. S. Vygotsky cultural-historical concept of the significant adult (personified mediator of child mental development) we have analyzed emotional connections of group care alumnus in the middle and older age. Results of research prove that spontaneous compensation of emotional problems of child-parental relations of social orphans is unattainable.

Keywords: *social deprivation, re-socialization, closed institution, «significant other», »significant adult».*

REFERENCES

1. *Vygotskii L. S. Voprosy teorii i istorii psihologii // Vygotskii L. S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 1. M., 1982.*
2. *Znachimyi Drugoi // Kratkii psihologicheskii slovar' / Pod obsh. red. A. V. Petrovskogo i M. G. Yaroshevskogo. M., 1985.*
3. *Kon I. S. Psihologiya yunosheskogo vozrasta. M., 1979.*
4. *Kronik A. A. V glavnyh rolyah: Vy, My, On, Ty, Ya. Psihologiya znachimyh otnoshenii. M., 1989.*
5. *Nazarova I. B. Adaptatsiya i vozmozhnye modeli mobil'nosti sirot: Ser. «Nauchnye doklady». № 120. 2000.*
6. *Sidorenko E. V. Terapiya i trening po Al'fredu Adleru. SPb., 2000.*
7. *Smirnova E. O. Osoznanie svoego opyta det'mi v sem'e i detskom dome // Voprosy psihologii. 1991. № 6.*
8. *El'konin B. D. Psihologiya razvitiya (po motivam L. Vygotskogo) // <http://www.psychology.ru/library/00073.shtml>.*